

ЭДМОНДО ДЕ АМИЧИС

ПЕРВЫЙ КЛАСС
ЭЛЕМЕНТАРНОЙ
ШКОЛЫ ПОД ДУШЕМ

Эдмондо де Амичис
Первый класс элементарной
школы под душем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452124

Аннотация

«– Пойдите посмотреть, – сказали мне: – и вы вынесете оттуда такое впечатление, точно сами побывали под свежим душем. – Это смелое сравнение побудило меня окончательно решиться...»

Эдмондо де Амичис

Первый класс элементарной школы под душем

– Пойдите посмотреть, – сказали мне: – и вы вынесете отсюда такое впечатление, точно сами побывали под свежим душем. – Это смелое сравнение побудило меня окончательно решиться.

Одна городская школа в Турине, может быть самая лучшая в Италии, и одна в Милане, сколько мне известно, единственные в настоящее время школы в Италии, где устроены души для учеников. В начале несколько матерей противилось этому нововведению: одни – бедняжки – стыдились выставлять на показ свою нищету и недостаток детского белья, другие протестовали из боязни тысячи болезней. Но первые примирились, потому что школьное Попечительство снабдило наиболее бедных рубашками, а вторые тоже замолчали, когда увидели с какою массою предосторожностей поливались надежды родины, так что теперь весьма редко встречаются матери, которые прибегают к свидетельствам врача, чтобы освободить своих детей от городского обливания.

Я отправился посмотреть на «первый класс», который

шел брать душ, разделившись на две партии, человек по пятнадцать ребят в каждой, в возрасте от шести до семи лет.

Когда я пришел, они были уже в раздевалне и сидели на двух рядах укрепленных стульев по пятнадцать человек с каждой стороны большой перегородки; по бокам каждого стула были стенки, с вешалкой наверху, на которой висела чистая простыня. Они раздевались, соответственно предписанию, *прилично*, внимательно следя за тем, чтобы не снять рубашку прежде, чем одеть *костюм*; этот гиперболический галлицизм означал некоторое подобие серого передничка, который покрывал бедра и завязывался сзади на поясице. Как только, какой-нибудь ротозей собирался нарушить порядок действий, голос помощника, швейцара, учительницы или начальницы тотчас же призывал его к целомудренному исполнению правил. Раздевание шло медленно, отчасти из за неопытности ручонок, отчасти из за нетерпения, блестящего в глазах всех детей. Но приятное впечатление получалось не столько от веселых рожниц, сколько от крошечных предметов туалета, падавших один на другой: курточек и рубашонок, как у марионеток, капельных штанишек, крошечных подтяжек и всевозможных других предметов, сделанных из обносков и остатков; все это были изобретения и спешная работа бедных матерей, у которых недостает времени и материала. По мере того, как платье падало, казалось, что тельца делались еще меньше; в этом возрасте дети еще представляют из себя нечто в платье, но все это только перья: ко-

гда они падают, то не остается больше ничего. Только головы казались сразу выросшими на худеньких шейках, похожих на стебельки, слишком тонкие для поддержания бутонов; и несоответствие всех этих темных и белокурых головок с туловищем и конечностями было как бы образом непосильного для их физических сил умственного труда, к которому неразумное общество принуждает детей. В конце концов первые пятнадцать были готовы, завернуты в простыни и выстроены в ряд; начальник эскадрона, белокурый малыш скомандовал голубиным голоском:

– *Правый фланг, вперед!* – и дети двинулись вереницею по направлению к «комнате, где идет дождь» Это прелестное выражение украдено у одного ребенка.

Невозможно представить себе более оригинальной и милой картинки, чем это шествие маленьких карикатур на римских сенаторов, более резкий контраст, чем между этими смеющимися личиками и величию белых мантий со шлейфом или более веселый маскарад, служащий пародией на процессии привидений из романтических баллад. Но словами этого невозможно описать. Только художник с чуткою душою мог бы передать кистью всю прелесть этих пятнадцати шествующих простынешь, слегка надутых воздухом, из которых выглядывают пятнадцать остриженных или кудрявых головок и под которыми, кажется, никак не может скрываться человеческое тело. Это такая сценка, которая вызывает всегда улыбку даже на лицах тех, кто привык видеть ее, и

в этой улыбке блестит чувство любви и нежной симпатии к детям.

Вот они в комнате с душем выстроены вдоль стен в трех шагах расстояния один от другого; каждый стоит под крапом, из которого должен политься на него теплый дождь. Начальник отряда командует: – *Кладите простыни.* – Приказание исполнено. – *Шаг вперед. Грудь под душ...*

Но кто мог бы обратить в первый момент внимание на веселую сторону зрелища? Душа взволнована при виде этой чистой и священной наготы детства, в которой более, чем в чем-нибудь другом выражается слабость и потребность в покровительстве и любви; взгляд останавливается с состраданием на бедных худеньких телах, говорящих о недостаточном или нездоровом питании и о преждевременном домашнем труде; мысль обращается с грустью к причинам наследственных несовершенств и физических недостатков, к хрупкости этих маленьких существ, к тяжелой нищете, которая запускает их, к грубой злости, которая бьет их, и контраст между видимым предпочтением и несправедливостью природы и судьбы заставляет сердце сжиматься еще сильнее при этом непривычном зрелище, чем при виде разницы в платье, к которой наш глаз уже привык...

Но ум не может сосредоточиться на этих мыслях при виде веселости, выражающейся у всех на один лад. Под мелким дождиком, обрызгивающим выпяченные вперед груди, согнутые спины и поднятые кверху руки, звучат возгласы,

сдержанный смех, пыхтение, звонкие голоса, которые кажутся журчанием фонтанов и водопадиков из других скрытых где-то вод и в которых выражается радость обновленной крови, тела, дышащего всеми порами, и чуть ли не предчувствуется действие благотворной силы, которая проясняет ум, рассеивает дурное настроение, смягчает упрямство и способствует развитию хороших мыслей. Действие этой воды мы испытываем, как отражение в нас самих в виде чувства свежести, которая проникает в нас через глаза и как бы разливается в душе; а журчанье дождика, льющегося на эти нежные человеческие тела, утешает нас, как приятная музыка. Кроме того поневоле смеешься над разнообразными комическими движениями и позами этой маленькой шайки купающихся. Некоторые подставляют грудь под душ с неустрашимым видом, точно под струи бурного потока. Другие, подставляя спину, пригибают голову к коленям, и съеживаются, напоминая лягушек. Некоторые горбятся над водою, точно кошка, которую ласкают, и наслаждаются, втянув голову в плечи, скрестив руки на груди и закрыв глаза с счастливым видом, точно сосут леденец. Я понимаю теперь то, что слышал раньше от помощника, а именно что в случае, если мальчик должен оставаться из-за нездоровья дома в день душа, то он бывает безутешен, и что, когда двое детей становятся вместе под кран, то более сильный выталкивает соперника, и приходится вмешиваться властям, чтобы посадить узурпатора на его место.

Приказы следуют один за другим. – *Возьмите мыло. Намыльте себе грудь Намыльте ноги.* – Я же тем временем разглядываю их одного за другим. Между ними попадаются любопытные зародыши атлетов с квадратными плечами и ногами, как у Геркулеса белые и толстые малыши, которые кажутся сошедшими с картин Корреджио или Леонардо, фигурки неаполитанских рыбаков, терракотовые статуэтки, торчащие животы, двое или трое детей с длинными ногами, напоминающие фламинго. У двоих висит на шее образок Божьей Матери, намыленный, как все остальное.

У некоторых на теле царапины и синяки – первые раны, полученные в битве жизни. У одного курчавые волосы и цвет кожи мулата, и он смотрит на меня время от времени сквозь дождь большими серьезными глазами. Все они кажутся ушедшими так недалеко от того времени, когда сосали грудь, что, видя их такими маленькими и голыми, поневоле улыбаешься при мысли, что они не только держат в руках перья и книги, но даже обязаны держать экзамены.

Услышав приказ: – Левый фланг, стройся! – я подумал, что все кончено и спросил, почему они не намыливают также спину. Мне ответили, что в правилах есть предписания и на этот счет, и что я сейчас увижу это. И действительно, сомкнув ряд таким образом, что носы и затылки почти соприкасались, каждый из этих червячков, державших еще мыло в руке, принялся по команде намыливать спину товарища перед собою. Можно представить себе всю прелесть этой кар-

тины, но немисливо передать ревностного усердия, с которым все работали, точно каждый чистил драгоценный предмет, составлявший его собственность, или обязался честью, чтобы порученная его рукам спина вышла чище всех других; они работали с усердием поварят, устроивших соревнование, кто лучше вычистит кастрюли. Только последний работал, ничего не получая.

Но слышалась команда: – повернись! – и началось повторение процедуры, и тогда последний тоже получил преимущество без утомления, как прежде первый в ряду. Когда спины были намылены второй раз, дети вернулись, стройно маршируя, на свои места, чтобы подставить под душ намыленные плечи, затем все одновременно взяли простыни, закутались в них, спустили на пол мокрые переднички и – Левый фланг, вперед! – снова началось шествие римских сенаторов, свежих, бодрых, довольных по направлению к раздевальне. Они были до того довольны, что некоторые забывали на мгновение о том, что сбросили «охранителей целомудрия»; но это длилось только одно мгновение, потому что бдительный помощник кричал сейчас же: – Запахните простыню! – и он не успевал договорить, как виновный уже возвращал себе благопристойность сенатора. Во время их шествия я сообщил ассистенту свое наблюдение, сделанное еще до купанья, относительно того, что почти все были чисты, и это удивляло меня, несмотря на то, что души бывали три раза в неделю, так как большинству детей, привыкших валяться по

земле, достаточно двух дней, чтобы вымазаться, как трубочисты. На это я получил ответ, служащий также доказательством благотворного влияния этого учреждения, а именно, что многие матери в бедных семействах задают своим детям в день душа предварительную мойку ради чести семьи, чтобы не ударить лицом в грязь перед их товарищами. Таким образом обязательное купанье в школе влечет за собою введение этого обычая и дома, где вода употреблялась прежде только для того, чтобы вымыть кое-как руки и лицо. И подумать, что если бы немного лет тому назад кто-нибудь предложил устроить души для учеников общественных школ, то получил бы в ответ, что сам нуждается в них для излечения сумасшествия! И сколько еще врагов у этой благословенной воды!

Я пошел за детьми в раздевальню, где дети снова грациозно усаживались, точно птички, на маленькие стульчики, чтобы вытереться и одеться. Это дело было более трудно и продолжительно, чем раздевание. Надо было помогать им, и дела хватало на всех. Начальница, учительницы и швейцар должны были служить за матерей и банщиц: тут потереть спину, там посушить голову, одному вытереть колени, другому обвить шею полотенцем, одевать рубашонки, застегивать крючки и пуговицы, подавать чулки и туфельки, находить белье, попавшее случайно к соседу, встряхивать иногда рассеянных, подгонять медлительных и все время наблюдать за тем, чтобы никто не раскрылся или не сбросил просты-

ню прежде, чем позволит приличие. Было смешно видеть, как при окрике: – Эй, ты там! Простыня! – невольный нарушитель правил убеждался сперва взглядом в справедливости замечания и затем уже исправлял свою ошибку быстрым движением, точно кошачьею лапкою. И все улыбались еще с ясным лицом и полуоткрытыми губами, семена ноженками, хотевшими бежать, и с живостью оглядываясь по сторонам, точно ища бутерброды на завтрак, так как глаза ясно говорили, что желудки просят помощи.

Никогда еще в моем уме не возникало так ясно, как в этот момент, когда я увидел в первый раз освежившихся и блестящих школьников, точно грядку цветов после поливания, и учителей, занятых услугами, которые оказываются только родным детям, никогда еще не возникало в моем уме так ясно видение идеальной Школы, которая должна бы быть мечтою всех, школы, которая учит, воспитывает, делает здоровыми, укрепляет, – строгой и нежной учительницы, заботливой и мудрой матери, которая обо всем думает и хлопочет, школы, приспособленной также по форме и материальным средствам к высокому достоинству своего назначения, просторной, светлой, прекрасной, насколько возможно, прекрасной и смеющейся, как храм Надежды. И наоборот никогда еще мне не казалось таким странным и печальным то обстоятельство, что не для всех еще очевидна страшная ошибка в виде пренебрежения в школьном воспитании заботами о здоровье, тогда, как все кричат: – Просвещайте ум, выра-

батывайте характер, готовьте детей к жизни – точно здоровье не сила против превратностей судьбы, не мужество в опасности, не защита против страданий. Никогда в то же время мне не казались такими жалкими тщеславие и напыщенная гордость граждан, показывающих иностранцам чудные памятники, роскошные музеи, великолепные библиотеки, в то время как вне крупных городов, немногих небольших городов и крошечного количества мелких общин, народная школа для детей – первый выразитель и фактор народной культуры – является образом нищеты, обманом закона, последней заботой городских дум, грубым и бесформенным инструментом культуры, который не лучше пробивает брешь в большой вековой стене невежества и варварства, чем старый износившийся камнемет в склоне горы. О, сколько сонных и упрямых голов заслуживают душа!

От этих печальных мыслей меня внезапно отвлек помощник, сообщив, что готов и второй эскадрон, и я присутствовал и на втором представлении; о нем у меня осталось воспоминание, которое заставит меня улыбаться даже через много лет, даже когда я буду совсем не расположен к веселости. Начальником эскадрона был один из самых маленьких, малыш с красным пушком, круглый, как ребенок с картин Рубенса, который исполнял свою роль в высшей степени серьезно, командуя, громким голосом точно настоящий капрал, что до смешного не шло к более чем мирному характеру действий. Он на всегда запечатлелся в моей памяти, и я, кажется, все-

гда буду видеть, как он стоит с высоко поднятою головою и нахмуренным лбом, держа в кулаке мыло, точно рукоятку шпаги, и стараясь кричать громче, выкрикивает ужасный приказ: – Намыливайте товарищам спины!